

УДК 811.161.1'367.625
ББК 81.411.2-212

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В.С. Парамонова

В результате функционально-семантического анализа форм будущего времени выявлены особенности взаимодействия временных, модальных и эмоциональных значений, обусловленного причастностью субъекта к сообщаемым фактам.

Ключевые слова: глагол, будущее время, модальность, субъективный фактор, эмоциональные оттенки.

В научной литературе, посвященной грамматической семантике, особое внимание уделяется экспрессивным возможностям русского глагола. Наиболее полно стилистические возможности глагола проявляются в художественной речи. По мысли Н.Н. Раевской, художественный текст создает выгодные условия для реализации стилистического потенциала грамматических категорий по сравнению с текстами, построенными по жесткой или узуальной моделям [5, с. 28]. Чаще всего лингвистов привлекает категория времени, которая в художественном тексте наглядно отражает функционально-стилевую специфику использования глагольных форм [1; 2; 8].

Формы времени, считает А.В. Бондарко, накладывают свой отпечаток на выражение (способ представления) временной обобщенности. При этом различия в грамматических значениях форм времени не устраняются полностью. Они сохраняются, но претерпевают существенное преобразование: переходят из денотативно-смысловой области в область коннотации. Различие между разными смыслами превращается в различие способов представления одного и того же смысла [2, с. 461].

Подобная языковая интерпретация форм времени, по мнению ученого, связана не только с коннотацией, но и с модальностью. Так, при употреблении формы настоящего-будущего совершенного могут быть выражены модальные оттенки уверенности, вынужденной необходимости, возможности осуществления действия и эмоционально подчеркнутый оттенок удивления по поводу принципиальной возможности факта [1, с. 89–107].

На взаимодействие стилистической коннотации и модальной семантики грамматических форм, в том числе и глагольных, обращали внимание и другие авторы [5; 6; 8]. В качестве причин, обуславливающих такое взаимодействие, названы, во-первых, контекстуальные условия употребления глагольной словоформы, во-вторых, субъективный фактор.

Так, по мнению З.Я. Тураевой, реализация экспрессивных возможностей словоформы зависит от контекста в широком смысле, где она приобретает значение факта стилистической грамматики, которой свойственны и образность, экспрессивность, и различные оттенки субъективно-оценочной модальности ([8, с. 140]; см. также: [5, с. 28]).

Анализируя модальность настоящего и будущего времени в английском дискурсе, Е.Е. Селиванова, в частности, указывает на субъективное восприятие будущего. Оно заключается в том, что ориентация на будущее в

значительной мере определяется самим говорящим, зависит от его выбора и от его намерения представить будущее действие как реальность, которая независимо от каких-либо условий будет иметь место, или как предполагаемое, желаемое событие [6, с. 15].

Анализ работ этих и других авторов, обративших внимание на взаимодействие стилистической коннотации и модальной семантики грамматических форм, свидетельствует о том, что приоритетным для определения таких отношений можно считать фактор субъекта. В данном случае имеется в виду «принцип персонализации» (см.: [4, с. 154–159]), ориентированный на точку зрения говорящего и базирующийся на теории предикативности В.В. Виноградова [3].

Рассматривая грамматическую концепцию В.В. Виноградова, А.В. Бондарко, в частности, отмечает, что суждения этого ученого о предикативности предполагают включение предложения в речь, где происходит актуализация различных предикативных признаков. А.В. Бондарко, говоря об актуализационных признаках высказывания и текста, имеет в виду «семантические элементы, передающие различные аспекты отношения выражаемого содержания к действительности с точки зрения говорящего (пишущего)» [2, с. 90]. Предложенные им термины «актуализационный признак» и «актуализационная категория» характеризуются функционально-семантической ориентацией, поскольку соотносят содержание высказывания и текста как целого с речевой ситуацией и точкой зрения говорящего [там же, с. 90–91].

Функционально-семантический анализ употребления форм будущего времени в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» подтверждает мнение А.В. Бондарко об актуализации содержательных функций временных форм в художественном тексте. Такая актуализация, на наш взгляд, проявляется во взаимодействии модальных и эмоциональных «созначений», обусловленных причастностью говорящего (пишущего) к сообщаемым фактам. В данном случае для нас принципиальное значение имеет коммуникативно-прагматическая категория субъективности, которая указывает на эксплицитно или имплицитно выраженное присутствие говорящего в каждом ком-

муникативном акте, в каждом речевом произведении [9, с. 3]. Выражение субъективности – это прежде всего «преодоление разрыва между субъектом речи и субъектом предложения» [7, с. 327].

Из всех возможных субъектных позиций говорящего – субъект сообщаемого факта, субъект факта сообщения, субъект оценки и т. п. – нас интересует выражение говорящего лица в предметно-личных актантах высказывания, агентивных субъектах, с которыми соотносятся производимые ими действия, испытываемые состояния или приписываемые им признаки.

Фактор субъекта проявляется прежде всего в восприятии будущего, которое мыслится как реальное или ирреальное.

1. Значение реально осуществимого будущего может осложняться модальным и эмоциональным отношением субъекта к предстоящим действиям или событиям: уверенностью, целевой установкой, разной степенью вероятности и др.

1.1. Восприятие реально осуществимого будущего часто сопровождается уверенностью говорящего, основанной на знании и логическом анализе реальной ситуации. Такое значение присуще, как правило, формам будущего простого. Например, в контексте *Он **сделает** то, что свойственно его низкому характеру. Он **останется** прав, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже **погубит*** (т. 1, с. 318) форма будущего реального времени глагольных словоформ (*сделает, останется, погубит*) указывает на уверенность говорящего в неизбежности действий другого лица, связанных с их будущим проявлением. В данном случае уверенность базируется на том, что говорящий, в качестве которого выступает женщина (*меня, погибшую*), хорошо знает того мужчину, о котором идет речь (*он **сделает** то, что свойственно его низкому характеру*). Действия этого лица предстают как обычные и типичные, что и обуславливает веру в их непереносимое осуществление в будущем.

В предложении *В особенности радовало его то, что он **знал** теперь, что **выдержит*** (т. 1, с. 274) уверенность говорящего в осуществлении будущего действия помогает выразить ментальный глагол

знать. В контексте придаточного дополнительного предложения, вводимого союзом *что*, значение глагольного слова *знать* смещается от фактивного значения «иметь знание» в сторону путативного значения «быть уверенным». Субъект верит в то, что он проявит в будущем выдержку, стойко перенесет уготованное ему в жизни.

В рассмотренных примерах глагольные формы будущего времени совершенного вида, выражая одно и то же временное значение следования по отношению к грамматической точке отсчета, уточняют значение уверенности в плане результативности.

1.2. Восприятие реально осуществимого будущего может быть связано с целевой установкой говорящего, которая обуславливает развитие модальных значений. В нашем материале представлены следующие цели говорящего: информировать, высказать свое мнение, побудить к действию, доставить удовольствие себе и партнеру сами процессом общения и др.

Целевая установка говорящего побудить другое лицо к действию представлена в вопросительном предложении *Но ты **поправишь** это, Долли? Да?* (т. 1, с. 113). Словоформа будущего времени глагола *поправить* помогает говорящему сформулировать вопрос, касающийся будущих действий другого лица (*Долли*). В этом вопросе заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение, предполагающее возможность такого действия (*поправишь* = «сможешь сделать») и побуждающее к положительному ответу, о чем свидетельствует частица *да*, употребляющаяся в значении «не правда ли? не так ли?».

Гедонистическая целевая установка реализуется в предложении *Мы с вами **успеем** по душе **поговорить** за чаем, we'll have a cosy chat, не правда ли?* (т. 1, с. 322). Глагольная словоформа *успеем* в сочетании с фразеологическим сочетанием *по душе поговорить* помогает выразить говорящему надежду на взаимное, дружеское общение. В отличие от предыдущего предложения здесь степень категоричности утверждения снижена, поскольку актуализируется значение совместного будущего действия (*мы с вами успеем*). Вопросительная частица *не правда ли*

указывает на то, что говорящий хочет узнать, согласен ли с ним собеседник.

1.3. На вероятность осуществления реального действия в будущем могут указывать вводно-модальные слова и сочетания (*разумеется, без сомнения, возможно, может быть*).

Данные единицы выступают как показатели степени убежденности субъекта высказывания и тем самым выполняют свою основную функцию – демонстрируют объем знаний говорящего на момент речи, позволяющих ему делать определенные выводы/предположения относительно вероятности наступления будущей ситуации. Нередко выбор вводного слова зависит от качеств субъекта, от его способности контролировать ситуацию. Следовательно, будущее в таких контекстах предстает прогнозируемым, а прогноз – обоснованной информацией о настоящем положении дел.

Так, в предложении *Разумеется, я **не буду избегать** Катерины Александровны, но, где могу, **постараюсь избавиться** ее от неприятности и моего присутствия* (т. 1, с. 295) вводно-модальное слово *разумеется* подчеркивает решительное намерение субъекта-персонажа не совершать ряд действий по отношению к другому лицу (*не буду избегать, постараюсь избавиться*).

В контексте *Вы собираетесь вступить в брак, и Бог, может быть, **наградит** вас потомством, не так ли?* (т. 2, с. 11) вводно-модальное сочетание *может быть* подчеркивает вероятность действия, связанную с сомнением субъекта-персонажа. Говорящий сомневается в возможности другого лица иметь детей.

2. Фактор субъекта проявляется в отношении к будущему, которое воспринимается как ирреальное. Об этом свидетельствуют формы будущего времени, которые употребляются в переносном значении в контексте разных временных планов. В данном случае активизируется образное представление осуществления действия во времени и уточняется его модальная характеристика.

2.1. Употребление форм будущего простого в переносном значении, как показывает наш материал, наблюдается тогда, когда субъект ограничивает временные рамки дей-

ствия планом настоящего или прошедшего времени.

Форма будущего простого в значении настоящего абстрактного встречается в тех случаях, когда говорящему важно подчеркнуть обычность или типичность действия. Создается иллюзия конкретного факта безотносительно к моменту речи. Этому способствует также наглядно-примерный тип употребления совершенного вида. Выделяется один из повторяющихся актов и представляется как ограниченный пределом целостный факт, являющийся своего рода примером, который дает наглядное представление о других подобных актах.

Так, в предложении *Много еще что-то там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь* (т. 1, с. 8) условием употребления формы будущего в плане настоящего абстрактного является наличие двух связанных друг с другом действий: *не скажешь словами и мыслями не выразишь*. Говорящий акцентирует внимание на повторяющихся, типичных действиях. Значение настоящего абстрактного характеризуется дополнительным модальным оттенком невозможности осуществления действия. Усилительные частицы *да* и *даже* актуализируют не только грамматическое значение глагольных словоформ в модальном плане, но и совместно с повторяющейся отрицательной частицей *не* служат средством выражения эмоционального состояния субъекта.

Форма будущего простого в значении прошедшего времени представлена в ситуации, когда говорящий акцентирует внимание на описании факта прошлого, тем самым ограничивая временные рамки действия планом прошедшего времени. Например: *Со мной случилось что-то волшебное, как сон, когда **сделается** страшно, жутко, и вдруг **проснешься** и чувствуешь, что всех этих страхов нет. Я проснулась* (т. 2, с. 200). В этом предложении описывается эмоциональное состояние говорящего, которое он испытал в прошлом. Соотношение разных временных форм (*случилось, проснулась, чувствуешь, делается, проснешься*) помогает передать не только динамику действия, но и состояние напряжения, страха. Употребление словоформ будущего в контексте прошедшего времени реализуется для обозначения

внезапного наступления действия. Наречие *вдруг* подчеркивает внезапность наступления такого действия.

2.2. Форма будущего сложного встречается в нашем материале в значении настоящего постоянного и настоящего абстрактного.

Форма будущего сложного в плане настоящего постоянного времени представлена в ситуации, когда говорящему нужно подчеркнуть наличие постоянного действия, не связанного с временными ограничениями. Например: *...если человек знает, что он должен сидеть так с поджатыми ногами, то сделаются судороги, ноги **будут дергаться и тискаться** в то место, куда бы он хотел вытянуть их* (т. 2, с. 111). В этом предложении констатируется наличие определенного знания, результаты которого могут иметь негативные последствия в будущем. Внимание акцентируется на перечислении обычных действий, которые, как правило, происходят, когда человеку известно, что с ним может происходить, если он долго будет сидеть с поджатыми ногами. Форма будущего сложного несовершенного вида указывает на повторяющиеся действия (*будут дергаться и тискаться ноги*), тогда форма будущего простого совершенного вида подчеркивает результат негативных последствий (*сделаются судороги*). Условно-придаточная конструкция *если..., то...* помогает выразить модальное значение возможности осуществления будущего действия в плане настоящего постоянного.

В качестве особого типа переноса выделяется употребление формы будущего сложного в контексте абстрактного настоящего. Например: *Я по всему вижу, что это **часто будет повторяться**, что он половину времени будет вне дома* (т. 2, с. 224). В предложении словоформа будущего сложного *будет повторяться* выражает повторяющееся, обычное, типичное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи. Такое переносное значение поддерживается семантикой несовершенного вида этого глагола, который выступает в неограниченно-кратном употреблении. Выражению повторяемости способствует также лексическое значение рассматриваемого глагола и контекстуальный конкретизатор, выраженный наречием *часто*. Говорящий высказывает свое мнение относительно предполага-

емых действий другого человека. Об этом свидетельствует ментальный глагол *видеть*, употребленный в значении «полагать, считать, предполагать». Данный глагол указывает на перспекцию, так как предположение представляет собой начальную фазу мыслительного акта, когда субъект имеет предварительное суждение об объекте мысли, проявляемое в виде мнения или догадки и основанное на вероятности или возможности чего-либо.

В целом функционально-семантический анализ употребления форм будущего времени свидетельствует о том, что реализация семантического потенциала данных форм в художественном тексте определяется взаимодействием значений модальности и эмоциональности, обусловленных причастностью говорящего (пишущего) к сообщаемым фактам. Точка зрения говорящего как исходный пункт для определения отношения содержания предложения к действительности – это один из тех элементов теории предикативности, которые становятся особенно актуальными в контексте антропоцентрических тенденций современной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
2. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А. В. Бондарко. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 736 с.

3. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 53–88.

4. Ильенко, С. Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности / С. Г. Ильенко // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л. : Наука, 1975. – С. 154–160.

5. Раевская, Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка / Н. Н. Раевская. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1973. – 142 с.

6. Селиванова, Е. Е. Модальность настоящего и будущего времени в английском дискурсе / Е. Е. Селиванова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Лингвистика». – 2008. – Вып. 545: Когнитивно-функциональные аспекты грамматических исследований англоязычного дискурса. – С. 13–21.

7. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. «Лит. и яз.». – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 325–332.

8. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) / З. Я. Тураева. – М. : Высш. шк., 1979. – 219 с.

9. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Толстой, Л. Н. Собр. соч. Т. 1–2 / Л. Н. Толстой. – М. : Мир книги : Лит., 2007. – Т. 1. – 480 с. ; Т. 2. – 448 с.

SEMANTIC POTENTIAL REALIZATION OF FUTURE FORMS IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL «ANNA KARENINA»

V.S. Paramonova

The peculiarities of semantic potential realization of the future forms are considered in the article. The interaction of modal meanings and emotional shades is revealed as depending on the subject relation to the reported facts.

Key words: *verb, future tense, modality, subjective factor, emotional shades.*